
КЭТИ СВИТ
БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ
СПАСТИ СВОЮ ДОЧЬ

Кэти Свит

Без права на ошибку. Спасти свою дочь

https://litres.ru/74824147

Аннотация

– Отойдите от кроватки! Это моя дочь! – влетаю в палату. – Биологически она вам никто, – хмыкает мужчина. – Вы всего лишь суррогатная мать! – Я ее выносила и родила, а вы от нее отказались! – Я передумал, — заявляет. – Сколько вам заплатить, чтобы забрать ребенка прямо сейчас? –Нисколько! – внутри все пылает. – Малышка моя! Я не отдам ее! Никому! – Я отец, а ты никто. Подпишешь отказ и ничего не сможешь сделать! — шипит зло. Мурашки по коже. – Зато я смогу! Прочь из палаты и из отделения! Ребенка вам никто не отдаст! – на пороге палаты появляется единственный, кому я могу верить. Тот, кто уже однажды спас мою дочь.

❤ ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО МОЖНО! ❤ ХЭ!!!

Содержание

Глава 1. Настя 4
Глава 2. Дима 9
Глава 3. Дима 15
Глава 4. Настя 21
Глава 5. Настя 27
Глава 6. Дима 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Глава 1. Настя

– Я заказывала здорового ребенка! Больной мне не нужен! – до моего слуха доносятся истерический крик биологической матери моего малыша. А я лежу на кушетке после тяжелейших родов и пытаюсь хоть немного прийти в себя. Слабость дикая.

– Тише, тише, – пытается успокоить ее муж. – Мы во всем разберемся, – обещает, и от его слов у меня пробегает мороз по коже. Словно это я виновата в том, что произошло…

Дверь в палату открывается, и я испуганно поворачиваю голову на звук. Вижу зашедшего и немного расслабляюсь.

Это не родители ребенка. Фух…

– Как вы себя чувствуете? – интересуется врач, подходя ко мне. Он очень хмур, на лбу засела глубокая складка.

Понимаю… Подобного никто не ожидал.

– Я в порядке, – отвечаю поспешно. Думать о себе не могу, все мысли о моей новорожденной девочке, которая находится не со мной, а где-то.

Точнее, на реанимобиле едет в другую клинику, где высококлассные хирурги смогут ей помочь.

Сейчас, когда я услышала ее крик, мое сердце перевернулось, и я понимаю, что она останется в нем навсегда. Я не смогу… Не смогу отказаться от этого ребенка!

Она моя.

– Доктор, где малышка? – задаю важный вопрос.

– Тебе зачем? – спрашивает так, словно не понимает.

Да, я согласилась стать суррогатной матерью для ребенка, но у меня была крайне весомая причина. Я не для себя через это все прошла!

А ради одного человека…

– Дорогая, доктор объяснил, что это все поправимо, – из коридора снова доносится голос биологических родителей малышки. – Нужно будет сделать пару операций и все! У нас будет дочь! Понимаешь?

В словах мужчины столько надежды… Столько нежности…

– Нет! – отрезает женщина. – Мне не нужен больной ребенок. Я не стану таскаться с ним по больницам! – заявляет с жаром. – Где врачи?

– Тебе зачем? Нам же уже все объяснили, – мужчина не оставляет попыток достучаться до своей жены.

До моего слуха долетает стук каблуков.

– Дорогая, – произносит с нажимом. – Тебе нельзя в палату к пациентам.

– Там не пациент, а дрянь, которая родила мне больного ребенка! – на повышенных тонах произносит женщина. – Я ей за здорового заплатила! Больного пусть забирает себе! Он мне не нужен!

– Да что ж ты говоришь? Дорогая, – мужчина возмущен. – Мы столько денег потратили на этого ребенка, что не можем

от него отказаться.

– Ничего страшного, – отмахивается женщина. – Заработаешь еще! – фыркает.

Мурашки по коже от их отношения к крохе. Это ж ребенок… Ну как так можно-то?

– Это все она виновата! – стоя вплотную у двери в мою палату зло шипит женщина. Мне становится страшно. – За все ответит! Я в суд на нее подам!

– Я не виновата, – шепчу. Слезы из глаз.

– Знаю, – кивает. – То, что случилось, непредсказуемо. Ученые так и не смогли разобраться, что именно вызывает подобный сбой. Единственным исключением стал синдром Каррарино, но почему родители умолчали о его носительстве, не понимаю, – добавляет чуть тише. – Лежите спокойно и восстанавливайтесь. Если у малышки синдром Каррарино, то вы уж точно ни при чем.

– А что это за синдром? – пытаюсь понять. Мне важно. Я хочу разобраться.

– Не забивайте голову ерундой, – уходит от прямого ответа врач. – У ребенка аноректальная мальформация, ей срочно нужно провести обследование и операцию, а уж с остальным можно разобраться потом.

– Почему здесь нет ни одного врача? – продолжает ругаться женщина. Она дергает ручку пытаясь открыть дверь и ворваться в палату, но она оказывается закрыта изнутри.

Бросаю на стоящего рядом с собой мужчину в белом ха-

лате встревоженный взгляд.

Врач хмурится еще сильнее и крепко сжав губы качает головой. Отходит от моей кровати, но я успеваю поймать его за рукав.

– Доктор, – шепчу, глотая слезы.

Принять правильное решение не так просто, как кажется на первый взгляд, но тем не менее я не могу оставить свою маленькую девочку. Сейчас я отчетливо понимаю, что ей нужна.

– Я не стану отказываться от ребенка, – заявляю открыто и прямо.

Врач останавливается и удивленно смотрит на меня.

– Вы уверены? Ведь у малышки серьезный порок развития, понадобятся операции и длительная реабилитация, – спешит остудить мой пыл. – У вас ведь есть о ком заботиться, – намекает на причину, из-за которой я согласилась стать суррогатной матерью. – Подумайте хорошенько.

– Я уверена, – твердо киваю. – Дочку не отдам!

– Мне не нужен больной ребенок! Я отказываюсь! – словно слыша мои слова кричит биологическая мать малышки. – Я в суд на нее подам!

– Откажемся, откажемся, – вторит ей муж. – А завтра поедем в клинику и найдем новую женщину, которая родит нам с тобой здорового малыша, – заверяет таким тоном, словно собирается пойти на базар.

– Да-да, ты прав, – она говорит уже гораздо тише. – Точно!

Завтра идем в клинику. Пусть дают нам другую женщину. И она родит нам сына! Я теперь сына хочу! Мне не нужна дочь!

Меня трясет.

– Не отдавайте мою девочку в детский дом, – молю врача. – Я подпишу все документы, – заверяю. – Оставьте ее со мной.

Мужчина с жалостью смотрит на меня, но не спешит с ответом и от этого делается еще страшнее.

– Пожалуйста, – шепчу. Чтобы хоть немного успокоиться делаю глубокий вдох и стряхиваю слезы. – Я буду хорошей матерью для нее.

– Знаю, – кивает. Снова хмурится. – Я посмотрю, что можно сделать, – обещает.

– Посмотрите на условия моего контракта! – вспыхиваю, вспоминая один из пунктов, на который раньше не особо обращала внимание. – Биологические родители отказываются от ребенка, вы это слышите. Но я не отказываюсь!

– Я вас понял, – говорит с легким нажимом. – Отдыхайте, – кладет руку мне на живот и ободряюще улыбается. – Вам силы еще понадобятся.

С этими словами он уходит из палаты и оставляет меня одну.

Глава 2. Дима

– Ланской! Какие люди! – ко мне навстречу с раскрытыми объятиями идет Саня Хмельницкий. Один из самый крутых реаниматологов, с которыми мне посчастливилось работать. – Неужто все же решился и к нам перешел?

– Да вы без меня не справляетесь, – ухмыляюсь, обнимая старого доброго друга. – Рузанову уволили, место освободилось, вот я и пришел.

– Не напоминай про Марьям, – отмахивается от меня, как от прокаженного. – Ты б знал, как нам тяжело было избавиться от этой гадины.

– Сань, ну признайся, тебе ведь уже скучно, – смеется Кирилл Игнатов. Первоклассный торакальный хирург и заведующий детским хирургическим отделением. – Здорово, – протягивает руку вперед. Пожимаю.

– Ага, – Хмельницкий произносит с едким смешком. – Пациентов меньше приходится спасать.

– Сань, обещаю, со мной тебе будет скучно, – отвечаю шутливо. – Да и ты знаешь, по моему профилю редко кого можно встретить.

– Не говори гоп, мой друг, – Игнатов похлопывает меня по плечу. – Не говори гоп.

– Вот накаркаешь сейчас, – озвучивает свои мысли Хмельницкий.

– Я не суеверный, – отмахиваюсь от него. – Не боись!

– Не суеверный он, – смеется Майоров. Он и Леха Высоцкий тоже подошли к нам. – Ты смотри нам тут, не суеверный ты наш, не каркай. Ладно? Мы-то товарищи очень ранимые. Вон, даже с Хмельницким никто на дежурство не хочет ходить.

Коридор заполняет мужской смех.

Работать в одной команде с такими профессионалами, как эти ребята, самое лучшее, что могло случиться со мной. Но их странный юмор для меня не понятен.

Ладно! По ходу дела все разберем.

– Не кипятись, Миш, – уступаю товарищу.

Я не собираюсь со своим уставом лезть в чужой монастырь, ведь это я пришел к ним в отделение, а не наоборот. Здесь уже устоявшийся коллектив, свои правила и обычаи.

Мне остается только следовать им.

– Понял, – поднимаю на уровень грудной клетки раскрытые ладони. – Вы суеверные. Над вами не буду шутить.

– Уж постарайся, – смеется Саня. – А то живо научим, как Родину любить.

– С нас станется, – вторит ему Миша Майоров. – В течение месяца поставим тебе все дежурства с Саньком.

Парни ржут. А я смотрю на них и не понимаю причины подобного поведения.

Куда я попал?

Если они хотят меня напугать, так не на того напали. Мы

ведь неоднократно работали вместе и каждый из них знает, какой я бываю дотошный в операционной. Это ведь просто капец!

Я крайне скрупулезно подхожу к своей работе. У меня на столе зачастую лежат новорожденные дети, которым нужно спасать жизнь.

Там счет идет на минуты, ведь нужно сделать все не только быстро, но и качественно. Крохе потом еще от наркоза отходить и приходить в себя.

Моя специализация такая узкая и редкая, что в городе, по сути, я единственный, кто проводит подобные операции. Да что в городе! В целой стране.

Равных мне нет.

И здесь я не набиваю себе цену, нет. Но работа с клоаками действительно крайне сложная. Ассистировать на подобной операции сможет далеко не каждый специалист.

Тонкостей слишком много. Пациент слишком мал. Время ограниченно и порой, когда ты берешь в руки скальпель и видишь настоящую картину, а не то, что тебе показало МРТ, рентген и УЗИ, твой тщательно разработанный план летит к чертям и ты остаешься с реальной проблемой один на один.

Вот здесь и начинается самое «веселое».

Мы с Майоровым неоднократно работали вместе, Миша много раз приходил ко мне на выручку, как и я к нему. Но если Майоров больше специализируется по «мальчикам», он и Высоцкий профи.

То, что касается девочек, так они почти все у меня.

– Парни, я, конечно, знаю вас давно, – говорю честно. – Но мне кажется, вы меня разводите.

– Разводим, не разводим, – тихо произносит Майоров. – Кто ж знает, – многозначительно говорит.

– Ты главное с ним на дежурство не ходи в одну смену, – предупреждает Кирюха.

– Почему? – интересуюсь. Заинтриговали.

– Да потому что это капец! – в сердцах признается Высоцкий. – Дим, как другу тебе говорю. Не ходи!

– А тут уж как я поставлю, – шутя добавляет Игнатов.

Опять смех.

– Парни! Ну наконец-то я вас нашел! – к нам на всех парах летит Серега Карпов. Он –классный реаниматолог, но не такой крутой, как Санек.

– Что на этот раз случилось? – разворачивается к нему Хмельницкий.

Карпов подходит ближе и молча протягивает ему в руки бланк.

Вокруг повисает тишина.

Чем больше Саня углубляется в содержание документа, тем задумчивее становится. А когда дочитывает практически до конца, то даже присвистывает от удивления.

– Парни, это вам, – вручает бланк Игнатову прямо в руки. – Серый, идем, – говорит своему прямому коллеге. – Нам срочно нужно подготовиться к такому сложному пациенту.

Я заинтригован.

– Идем, Сань, – тут же соглашается Карпов.

Провожаю их взглядом и разворачиваюсь. Парни смотрят исключительно на меня.

– Ну что, Дим, – Кир вручает мне бланк. – Поздравляю тебя с первым пациентом в нашем отделении! – произносит торжественно.

– Пациенткой, – поправляю, одним глазом взглянув на документы.

– Ей и двух часов от роду нет, – отдельно акцентирует внимание на возрасте малышки Высоцкий.

– Работай только с Саньком, – добавляет Кирилл.

– Миш, пойдешь ко мне в ассистенты? – уточняю у Майорова. Вместе мы уж точно со сложным пороком разберемся, да и без его связей по отделениям я как без рук.

– Конечно, – соглашается без проблем. – Кир, не возражаешь?

– Одобряю, – многозначительно произносит и делает характерный жест. – Парни, учтите. Девочка от суррогатной матери.

– Это проблема? – хмурюсь.

– Проблема может быть у родителей малышки, но никак не у нас, – констатирует факт Леша.

Ну да, что есть, то есть.

Суррогатные мамочки, они такие… Выносят всю беременность, родят, отдадут не глядя, получат обещанное воз-

награждение и поминай, как звали.

И почему только женщины на это идут? И ладно б не знали, что такое материнство! Но ведь знают же. Первородку ни одна серьезная клиника не пропустит как суррогатную мать.

Глава 3. Дима

– Ну как ты тут? – смотрю на новорожденную, лежащую в кувезе.

– Все в порядке, – вместо нее отвечает Хмельницкий.

– А если подробнее, – задаю крайне волнующий меня вопрос. – По твоим прикидкам, через сколько она сможет дышать сама? Мне ее мать уже все телефоны оборвала, звонит трижды в день и ведь дозванивается.

– Какая настырная тебе досталась мадам, – ухмыляется добродушно. – Даже я далеко не всегда могу прозвониться до вашей ординаторской.

– Ой, ну не начинай, – отмахиваюсь от очередной подколки, которая вот-вот опять полетит от Санька. Вот неймется ему, нет бы поговорить спокойно.

– Дим, ну ты сам понимаешь, колостомия хоть кажется не архисложной операцией, но у атрезийников неправильное отсечение может вызвать просто катастрофические проблемы, – озвучивает суровую правду. – Каждый сантиметр кишечника на счету. Ты уверен, что необходимо было выводить стому?

– Уверен, – твердо киваю. – У меня крайне большие вопросы к свищу, как по мне, он слишком мал, – озвучиваю свои домыслы. – Плюс, МРТ показало свищ в мочевой. Если это шейка, то…

– Все. Стоп, – резко останавливает меня. – Давай не будем продолжать.

– А то накаркаю? – усмехаюсь печально.

– Вот тебе смешно, а мне нет, – говорит со знанием дела Хмельницкий. – Ладно, решил, что нужно было делать колостомию, так решил. Ты – лечащий врач, тебе виднее.

– Сань, ну серьезно, – пытаюсь объяснить другу ход своих мыслей. – Слишком много нюансов и рисков.

– Согласен, – кивает. – Но я все равно считаю, что зря.

– А если бы свищ не справился? – спрашиваю напрямую. – То что? Проводить экстренную операцию? А если мать с ребенком уехали в тьму таракань? М? Кто там будет все делать?

– Какой-нибудь рукожоп, – говорит, горько усмехаясь.

– А нам потом здесь переделывай, – констатирую факт. – Понятия не имею, чем хирурги занимались в своих универах, но вывести стому профессионально и грамотно могут единицы.

– Тут я тоже с тобой согласен, – говорит хмуро. – Повезло тебе, малая, – Саня отворачивается от меня и обращается к крепко спящей малышке. – Ты в надежных руках.

– Не подлизывайся, – не сильно толкаю в бок.

– Я вообще-то сейчас говорю про себя, – отвечает, не поведя бровью.

У меня снова звонит телефон. Достаю его из кармана, вижу номер, и мне вдруг хочется выть.

Мать девочки меня одолела.

– Слушаю внимательно Вас, – терпеливо произношу, принимая вызов.

Я прекрасно понимаю, что мать малышки волнуется и места себе не находит все эти дни, но, блин, неужели нельзя на что-то другое переключиться?

Почему нужно изводить сердце мыслями о ребенке, терзать себя, отвлекать остальных. Словно за пару-тройку часов со стабильным пациентом может что-то случиться?

Да, малышка тяжелая, но она после операции, и это нормально. Они все тяжелые, в реанимации других не держат.

– Добрый день, – в динамике раздается взволнованный голос.

Я снова чувствую легкое дежавю. Мне кажется, будто мы с матерью малышки знакомы.

В очередной раз отметаю эту назойливую мысль. Ни одна моя знакомая никогда не решится на суррогатное материнство.

Причем, ладно б «заказать» ребенка! Всякое может быть. Но вот чтобы выносить и отдать… Это за рамками моего понимания.

Только вот эта мамочка не просто не отдала, но еще и продолжает постоянно названивать.

– Подскажите, как она? – спрашивает раз пятый за сегодняшний день.

– Сань, что скажешь? Когда в палату? – бросаю на Хмель-

ницкого красноречивый взгляд.

– Сегодня третьи сутки после операции, – задумчиво произносит. – Завтра начну снижать дозировку лекарств, и после этого посмотрим, – обещает.

Его «посмотрим» означает лишь одно, мне нужно морально готовиться к встрече с матерью крохи.

– Анастасия, все станет известно завтра во второй половине дня, – озвучиваю принятое решение. – Вы мне позвоните, и я уже сориентирую вас по срокам.

– Мне можно будет приехать? – с придыханием задает вопрос.

– Вы ведь еще в роддоме, – прикидываю по дням. Выписывать ее еще рано.

– Д-да, – говорит запинаясь. – Это проблема?

– Нет, что вы, – спешу успокоить ее. Сейчас еще сильнее понервничает и распрощается с молоком, а оно нам ведь еще понадобится.

Сейчас, после перенесенной операции на кишечнике, малышке как никогда нужно материнское молоко. Ни одна искусственная смесь с ним не сравнится.

– Выписывайтесь из роддома спокойно, не гоните врачей, – убеждаю ее. В подобном состоянии, в котором находится женщина, можно наделать столько ошибок, потом век не разгребешь. – А после мы решим, когда вы ляжете ко мне в отделение.

– Но Викуле не больно? Она не плачет? – не успокаивается

мать.

– Малышка спит, – сухо констатирую факт.

– Все время? – ахает.

Перевожу взгляд на маленькое тельце, увитое трубками вдоль и поперек, на мониторы, неизменно подключенные к крохе. Тру переносицу, прикрываю глаза.

Виски пульсируют от боли.

За эти несколько дней, что я работаю здесь, у меня уже было дежурство и две полные отработанные смены.

Я едва стою на ногах. Но поддаваться усталости не собираюсь.

– Не переживайте, с вашей дочерью все хорошо, – заверяю ее. – Она под присмотром хороших врачей. Вы сейчас о себе позаботьтесь, ладно?

– Ладно, – вздыхает.

С тяжелым сердцем завершаю разговор, убираю телефон в карман.

– Дим, я надеюсь, ты сегодня после работы домой? – хмурясь, спрашивает Хмельницкий.

– Так хреново выгляжу? – усмехаюсь, представляя себя со стороны.

– Ну, скажем так, когда ты работал в частной клинике, то выглядел гораздо лучше, – откровенно произносит Саня.

– Парни! Ну наконец-то я вас нашел! – к нам вновь подходит запыхавшийся Серега.

– Карпов, только не говори, что привезли сложного паци-

ента, – тут же говорит Хмельницкий.

– К нам едут пять «скорых», – новость выбирает из колеи.

– Что случилось? – спрашиваю единственное, что сейчас имеет значение.

– Массовое ДТП, – от слов Карпова сердце ухает вниз. – Водитель не справился с управлением.

– Подробнее, – с нажимом произносит Санек. – Здесь много вариантов. Начиная с банального лоб в лоб и заканчивая влетанием на всей скорости в здание.

– У нас нечто посередине, – озвучивает расклад.

– А если все-таки рассказать? – настаиваю уже я. Мне становится тревожно.

– По словам журналистов, машина на всей скорости влетела в автобусную остановку, – окончательно разбивает все мои надежды на нормальный обед.

– Понял, – сурово кивает Саня. – Дим, договорим позже.

– Конечно.

Глава 4. Настя

– Насть, ну зачем тебе этот ребенок? – не унимается Юлька, ходя за мной по пятам.

Подруга дико возмущена моим решением оставить дочку и никак не может успокоиться. Она считает, что я должна была отказаться от ребенка, забрать деньги и больше никогда не вспоминать о прошлом.

Юля единственная знает правду про мою беременность. Мне нужна была поддержка, и поэтому я ей все рассказала и ни на минуту не пожалела об этом. Юлька очень сильно мне помогла.

Все остальные считают, будто я так хорошо «гульнула». Если честно, то я просто больше не смогла придумать, что им сказать.

Вдаваться в подробности принятого решения я не собираюсь. Пытаться достучаться до людей – тоже.

Никто не поймет. Только осудят и продолжат смешивать с грязью, а я так не хочу.

Я не виновата, что жизнь меня поставила в такие жесткие условия, и стать суррогатной матерью для чужого ребенка был единственный шанс.

Поэтому те, кто осуждают женщин, решивших за деньги выносить для других малыша, с какой-то стороны правы. Внешне.

А вот если копнуть глубже…

Правда у каждого своя.

– Нужен, – коротко отвечаю. – Юль, давай не будем сейчас об этом, – прошу, не скрывая своих чувств. – Мне и так очень плохо, а ты вместо поддержки только сильнее топишь.

Я сейчас нахожусь в полнейшем раздрае, не понимаю, как действовать дальше, и вот уж точно, чего мне не нужно, так это чтобы кто-то читал нотации. Эмоции и здравый смысл разошлись во мнении, и у меня никак не получается привести их к компромиссу.

Привязанность и нежность, которые я испытываю к малышке, не объяснить. Мои эмоции не подвластны ни разуму, ни здравому смыслу, и борьба с ними равносильна схватке с самим собой.

Победителей не будет.

Я должна была просто отдать малышку, никогда ее не увидеть и уж тем более не должна была вмешиваться в ее жизнь.

Но вот только ситуация обернулась иначе. Никто не ожидал, что у девочки столь редкий порок.

Те, кто так ждал дочку, отказались от нее при первых же трудностях. Им нужен здоровый ребенок, кукла, которую можно красиво одевать, хвастаться ее достижениями и требовать только лучшего.

Им не нужна малышка, с которой придется бегать от врача к врачу, думать над ее реабилитацией и оказывать посильную помощь. Такая дочка им не нужна.

А я… Я не могу так с ней поступить!

Как можно бросить на произвол судьбы своего ребенка? Ведь это ж кровинка твоя… Роднулька…

– Ну это же глупо! – не унимается Юлька.

– Это – единственный вариант, – заявляю открыто. – Я не откажусь от нее, можешь даже не отговаривать.

– Вот же упрямая! – подруга в сердцах топает ногой. – Неужели ты не понимаешь, что теперь тебе нужную сумму никогда не собрать?

– Я что-то придумаю, – отвечаю, сжав зубы. Тему продолжать не хочу.

Останавливаюсь. Делаю медленный глубокий вдох.

Мне с трудом удается сдержать рвущееся наружу отчаяние, ведь я прекрасно понимаю все риски и последствия принятого решения. Однако оставить малышку никак не могу.

– Юль, она моя, – признаюсь, разворачиваясь лицом к подруге.

Все это время она по ходила за мной по пятам из комнаты в комнату и пыталась убедить поменять решение. По ее мнению, я должна отказаться от дочери.

– Биологически нет, – Юлька не уступает.

– Биологически? – произношу с иронией. Ох, как же много она не знает.

Да и не объяснить.

– Какое это имеет значение? – в открытую смотрю на подругу. – Я выносила ее. Родила. Чувствовала шевеления, раз-

говаривала с малышкой, – говорю, а у самой слезы наворачиваются на глазах от воспоминаний.

Опускаю руку на плоский живот.

Внутри меня с каждым мгновением разрастается новое чувство, которому просто невозможно противиться, оно в любом случае будет сильнее. Его можно только принять.

– Она моя! – заявляю открыто.

Юлька молчит.

Смотрит на меня огромными, полными страха глазами и не спешит что-либо говорить.

– Я никогда ее не отдам, – произношу твердо. Малышка моя и точка. Все!

– Ох, дурында, – печально вздыхает подруга и раскрывает объятия. Ступаю вперед. – Вот покусать тебя хочется. Прям так сильно-сильно!

Обнимаемся.

– Вот когда мы со всем разберемся, тогда и покусаешь, – соглашаюсь.

– Там ты у меня не отвертишься! – смеется. с теплой улыбкой.

– Ладно, – Юлька сменяет гнев на милость, и у меня на сердце становится чуточку легче. Приятно осознавать, что ты не одна. – Говори, чем помочь.

Подруга помогает собрать мне сумки в больницу. Мы вместе проверяем, ничего ли не упустили, ведь потом Юля будет очень занята и вряд ли сможет мне помочь. На доставку про-

дуктов тоже лучше особенно не рассчитывать. Мне сейчас, как никогда, будут нужны деньги, каждая копейка на счету.

Я совершенно не готовилась к тому, что оставлю малышку. У меня нет ни детской кроватки, ни достаточного количества одежды и всевозможных полезных мелочей для ребенка. Я купила всего по минимуму, а помимо необходимого еще все строго по списку от врача.

Ох, как долго я искала мягкую латексную соску! Пока нашла ту, которая нужна, прошла несколько детских магазинов и с десяток аптек.

Но нашла. И это самое главное. Врач сказал, нужна именно такая, как в советские времена.

– Насть, тебе термос положить? – кричит с кухни Юлька.

– Да! Клади! – так же громко отвечаю я ей.

Открываю комод, достаю малышковые вещи. Я их все накануне перестирала и погладила с двух сторон, ведь дочурке сейчас нужно все максимально чистое, едва ли не стерильное. Именно поэтому я выбираю комплектики и складываю их по обычным фасовочным пакетам.

Только распределив все детские вещи и грамотно их упаковав, начинаю собирать сумку с одеждой. Всего понемногу, но снова получается объемно.

– Ох, – вздыхаю устало. Смотрю на три битком набитые большие сумки и понятия не имею, как их дотащить до отделения.

– Насть, даже не думай тащить их на общественном транс-

порте, – Юлька словно читает мои мысли. – Ты только что родила, тебе нельзя таскать тяжести, – заявляет открыто.

Аргумент. С ним не поспоришь.

– Значит, вызову такси, – пожимаю плечами.

– Или я тебя отвезу, – подмигивает подруга.

– На машине? – ахаю. Она совсем недавно отучилась на права и еще не ездила в город. – Не боишься?

– Боюсь, – признается. – Но у нас с тобой выбора нет.

Кое-как дотаскиваем вещи до машины, загружаем сумки и возвращаемся в квартиру. Ждать..

Глава 5. Настя

«Кризис миновал. Ваша дочь начала дышать самостоятельно, ее отключили от аппарата. Сегодня мы ее переводим в палату, можете приезжать».

Слова врача неустанно крутятся в голове, а в сердце рождается надежда на скорую встречу. Мне так не терпится поскорее попасть к дочке, что я готова хоть на крыльях к ней прилететь. Не удержаться.

Прижать к своей груди, вдохнуть запах своей малышки, сказать, как сильно я ее люблю, и никогда-никогда больше не отпускать. Она должна знать.

Моя маленькая девочка за свою короткую жизнь уже так настрадалась…

Но теперь все будет хорошо. Я верю в это!

Моя доченька больше никогда не будет одна, теперь я буду с ней вместе, и на душе от этого появляется светлая радость. Она затмевает предстоящие трудности, страх перед неизвестностью и грядущие проблемы. Мне банально становится на них всех плевать.

Мы со всем справимся. Я в этом не сомневаюсь.

Легко, конечно, не будет, но страшен всегда первый шаг. Дальше уже буду разгребать то, что имею. И вытаскивать, вытаскивать, вытаскивать… До тех пор, пока по здоровью все не станет в порядке.

Маленькая моя, любимая моя, мамочка уже совсем скоро будет рядом! Она уже едет. Ты только совсем чуть-чуть подожди.

– Насть, ты точно решила? – Юлька снова заводит неприятную для меня тему.

Блин, мы же поговорили, и я все объяснила. Неужели так тяжело с первого раза понять?

Не откажусь я от дочери. Все. Решила! Она только моя.

– Ты поругаться хочешь или как? – спрашиваю у нее открыто. Моментально завожусь.

Я сейчас прекрасно понимаю тигриц и медведиц, которые никого не подпускают к своим малышам. Конечно, есть еще другие дикие звери, но я почему-то подумала именно об этих.

– Да я не об этом, – отмахивается, смеясь, Юлька. – Твоя, твоя Викуся, – произносит прямо и, ухмыляясь, качает головой. – Вот завелась, – добавляет чуть тише.

Теряюсь. В голове нет никаких других предположений.

Все мои мысли о доченьке. Я сейчас способна думать только о ней.

– А о чем? – не понимаю подругу. Какими-то загадками говорит, попробуй угадай.

– По пути будет гипермаркет. Можно заехать и докупить необходимое, – предлагает, показывая рукой на здание торгового центра. – Я бы на твоем месте все же воспользовалась предложением. В больницах кормят не ахти, а у тебя из еды

ничего с собой нет.

– Я туда еду не есть, а дочку лечить, – напоминаю подруге. Она улыбается.

– Но сытая мать – счастливая мать, – подмигивает.

– Ох, Юлька, Вы неисправима! – не могу сдержать улыбки.

Да и как здесь удержаться, когда рядом с тобой едет любительница поесть? Юля кушает и не толстеет. Поражаюсь ее метаболизму!

– Вообще не понятно, как и что будет, – признаюсь, печально вздыхая. Про то, что мне дико страшно решаю не говорить.

– Боишься? – с осторожностью интересуется Юлька. Она что, мысли мои прочитала?

Я опять дико удивлена.

Но подруга толком не смотрит на меня, следит исключительно за дорогой, там довольно напряженная ситуация. Да и не удивительно! Разгар рабочего дня.

Мне повезло, что у Юли свободный график работы, и на сегодня не запланировано встреч. В противном случае пришлось бы ждать, когда она освободится, и только после этого ехать к дочке.

– Есть такое, – говорю, немного покопавшись в себе.

Меня страшит неопределенность и минимальное наличие информации. Во всемирной паутине такого понаписано, что как начнешь читать, аж волосы шевелятся на голове. Причем, у лысого человека тоже.

Лечащий врач моей малышки просил не читать непроверенные статьи и обещал сам рассказать о пороке, поделиться подробностями и прогнозами на дальнейшую жизнь.

А еще он заверил, что каждый случай уникальный, и он подробно объяснит все, что касается нас.

Детки у всех разные, степень поражения тоже, а способности детского организма просто поражают, да и компенсаторную функцию никто не отменял.

Он считает, что при должном подходе к питанию, физической нагрузке и при грамотной реабилитации, моя малышка в конечном итоге ничем не будет отличаться от остальных детей.

«Вам в некотором роде повезло», – в голове снова звучат слова врача. – «После комплексного обследования мы обнаружили, что у вашей дочки единичный порок. Да, он хирургически сложный, но мы знаем как с этим работать, не переживайте на этот счет».

После общения с ним ловлю себя на мысли, что не переживаю. Да, страшно, но это не то.

Я верю лечащему врачу своей дочки. Мне почему-то кажется он даже каким-то родным. Словно мы хорошо знаем друг друга, словно он – часть моей жизни.

Ох, какой же бред порой я несу!

– Все будет так, как должно быть, – продолжаю озвучивать свои мысли. – Я могу биться головой об лед сколько угодно, но если мне не дано, то ничего не добьюсь.

– Хочешь подискутировать на эту тему? – лукаво улыбаясь, интересуется Юля.

– Нет, спасибо, – отказываюсь, прекрасно понимая, к чему это все приведет.

– Тогда не будем, – смягчается подруга. – Насть, не боишься, что родители малышки отойдут от первого шока и приедут к тебе, – Юлька резко переводит тему и, сама того не подозревая, попадает в самую точку. Она озвучивает мои глубинные страхи.

– Боюсь, – нет никакого смысла скрывать свои чувства, ведь они вполне объяснимы и логичны. – Если честно, то очень сильно.

В машине на некоторое время повисает тишина, а я понятия не имею, как справиться с бушующими в груди эмоциями. Стоит только представить, что появится хоть один из родителей малышки, как у меня внутри все замирает, сердце перестает биться, стынет кровь.

Нет-нет-нет! Не отдам. Она моя и точка!

Заставляю себя проглотить ком, что встал в горле, и сделать глубокий вдох.

Отпускает немного.

– Юль, они отказались от дочери, – произношу с нажимом. – Им нужен здоровый ребенок, который не будет приносить проблем, вот и все.

Не знаю, кого я хочу больше заверить себя или ее, но сказанное вдруг помогает.

– Беспроблемных детей не бывает, – констатирует факт подруга, словами бьет не в бровь, а прямо в глаз.

– Ну да, – произношу без ноющей боли в груди. – Но все же одно дело получить их, когда ребенок уже относительно взрослый и совсем другое, когда такой родился.

– Точнее, когда тебе его родили, – подмигивает игриво.

– Это да, – не могу не согласиться с ней.

Молчу. Думаю над тем, что послужило причиной такого поступка с малышкой…

Ведь если бы на моем месте оказалась другая, она б тоже отказалась, и маленькая кроха отправилась сначала в больницу, где прошла все этапы одна, а затем уже в детский дом.

На глаза наворачиваются слезы. Всхлипываю.

Ну нафиг! Лучше не думать о таком.

У моей Викули есть я. Я не брошу ее! Выхожу.

У моей маленькой девочки все будет хо-ро-шо!

– Насть, у тебя все получится. Ты даже не сомневайся! – ни с того, ни с сего говорит Юлька. – А если вдруг понадобится помощь, то знай, ты не одна!

– Знаю, – тепло улыбаюсь, мысленно снова возвращаясь мыслями к своей малышке.

Я теперь никогда не буду одна.

Подъезжаем к гигантскому медицинскому центру, останавливаемся на парковке и кое-как добираемся до нужного входа. Их здесь несколько, у меня в вызове прописан конкретный подъезд.

Юля остается со мной так долго, как это в принципе возможно, но, когда приходит медсестра и грузит на тележку вещи, то дальше говорит подруге, что ей проход закрыт.

В отделение нельзя посторонним.

Наспех попрощавшись с Юлькой, спешу за женщиной в медицинской форме, захожу следом за ней в лифт, поднимаемся на нужный этаж. Проходим в отделение, меня заводят в палату.

– Располагайтесь, разбирайте вещи, – произносит спокойно. – Скоро к вам зайдет врач.

Медсестра уходит, а я начинаю осматривать палату, от волнения усидеть на месте не могу.

– Анастасия Яковлева приехала? – из коридора доносится уже ставший таким родным мужской голос.

– Я здесь! – выскакиваю из палаты.

Встречаюсь взглядом с врачом, и у меня все обмирает внутри.

Нет. Этого не может быть!

Злая шутка какая-то…

– Ты? – в шоке смотрю на стоящего перед собой мужчину.

– Мы с вами знакомы? – летит в ответ, и я окончательно теряю дар речи.

_____

Дорогой читатель! Ты дочитал до конца ознакомительного фрагмента, чтобы читать дальше, нужно оплатить доступ. Он оплачивается лишь один раз, последующих оплат не тре-

буется. Если возникают трудности, но нужно обратиться в службу поддержки. "Без права на ошибку. Спасти свою дочь" от Кэти Свит роман, который не оставляет равнодушным. Присоединяйтесь к сотням читателей, которые уже приобрели историю и утолили свое любопытство!

Глава 6. Дима

– Я – Дмитрий Владимирович Ланской, лечащий врач вашей дочери, – представляюсь стоящей передо мной девушке. Она кажется смутно знакомой, но у меня нет времени на выяснение обстоятельств нашей предыдущей встречи.

Все мои мысли за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.